

Ножичек у Лёшки был знатный: карманный, с витиеватой эмблемой на красной рукоятке. И чего в нём только не было: несколько разных по величине лезвий, отвёртка, шило, пила и даже маленькие плоскогубцы. Сельские мальчишки за него любой обмен предлагали. Соседский Васёк – удочку, Андрюшка с лесопилки – фонарик, Костик с Проезжей улицы – щенка. Но не менялся Алёшка, нельзя было меняться. Ножик тот был подарен ему в день рождения – на восьмилетие – его старшим братом Павлом. Да и вещь ценная, нужная в хозяйстве. Но если кому из друзей нужно было в велосипеде цепь подтянуть или из дощечки что выстрогать – то это мигом к Алёшке. А он и не отказывал – сам сколько им всего наработал. Бабушке черенки для лопаты и граблей обстрогал. Себе лук со стрелами и сабельку сладил.

Вот и сейчас сидел он на завалинке дома и строгал ивовый прутик. Работа не ладилась. Лезвие ножа затупилось и скользило по коре. Лёшка сердито сопел. Непослушный вихор выгоревших за лето волос стоял торчком.

– Ба! А, ба! Где у нас точильный камешек?

Бабушка Аня хозяйничала в огороде и не сразу услышала внука. Дел в конце августа полно, а огород – он кормилец. Так во все времена на селе было. Что-то себе про запас, что-то на продажу. Вдовствовала она давно, так что привыкла управляться сама. Лёшка, конечно, помогал как мог, несмотря на своё малолетство и врождённую хромоту.

– В сенцах лежит! Ты у нас хозяин или я? Сиди, сейчас принесу. Как раз в дом собиралась – пить хочу.

Плотная, широкой кости, в ярком спортивном костюме (тоже подарок Павла) и бейсболке козырьком на затылок она больше походила на туристку из города или тренера. Если бы не перетянутая шалью поясница – радикулит! – и галоши на толстые вязаные носки.

– Сабельку мастерить? Уже, наверное, всех друзей одарил? – Бабушка передала внуку обломок от точильного камня, не преминув поцеловать его в темечко и пригладив непослушный вихор. – А что злой такой?

– Опять Пират напал! Вот слажу прутик – пусть только ещё попробует!

Пират – белый, нагулянный за лето гусак – щипал траву у забора. Услышав неладное для себя, насторожился, хитро скосил на мальчика голубой глаз.

– Да что же вас мир не берёт! Подружиться никак не можете! Ах ты, агрессор! Вот уж точно пират! – баба Аня окрикнула гуся и притопнула на него ногой.

Гусь-хулиган ответил своей хозяйке надменным взглядом, развернулся к ней хвостом и продолжил своё пропитание.

– Видишь, наглый какой! Так он и на тебя скоро кидаться начнёт!

– Не начнёт. А начнёт или ещё раз на тебя нападёт, так я быстро его в печь да с яблоками! – не то всерьёз, не то в шутку определила бабушка.

Она ещё раз безуспешно пригласила вихор внука:

– Недавно тебя подстригала, а он опять у тебя вон как вырос! Поливаешь его, что ли?

Подстригала баба Аня внука сама. По холоду в доме, по теплу на той же завалинке. И всегда, когда дело доходило до его упрямо торчащего вихра, приговаривала, смеясь: «Вот помру или женишься когда, кто тебя стричь-то будет?» Жениться Лёшка не собирался вовсе. Бабушку любил больше всех на свете и по своей детской наивности полагал, что так и будет жить с ней: долго-предолго, всю жизнь. «А я на тебе женюсь!» – ворчал он, укутанный простынёй, как в взаправдашней парикмахерской.

Однажды ночью Лёшке не спалось. Лежал, ворочался с боку на бок. Думал о своём житье-бытье. Как школу закончит. В институт поступит. На кого будет учиться – не решил ещё, но когда окончит его, обязательно останется здесь, в родном селе, чтобы жить с бабушкой и помогать ей. И вдруг представил, что бабушка когда-нибудь умрёт. И её не станет совсем... Лёшка заплакал. Сначала тихо. Затем зарыдал. Громко, во весь голос, не таясь.

Баба Аня подбежала к нему, обняла, прижала к себе. Лёшка не рассказал ей ничего, и всё сошло за приснившийся страшный сон. Бабушка ещё долго сидела рядом, успокаивая и целуя внука, а он скулил, как щенок, уткнувшись ей в грудь, пока не уснул...

– Пойду в дом. Притомилась. Со двора не уходи – скоро обедать позову.

Внук остался один на один с хлопотавшим о своём гусем, не подозревавшим о подготовленной ему горькой участи. Как бы там ни было, но Лёшка никак не хотел причинить вред своему обидчику, пусть даже такому зловредному:

– Смотри, Пират, последний раз прощаю! – для пущей солидности строго предупредил он гусака и сломал вичку.

* * *

Лёшка любил эту завалинку. Когда погóдило и выдавалось время, они с бабушкой подолгу сидели здесь. Говорили о разном, а то и просто молчали, думая каждый о своём, любовались закатом. Было хорошо вдвоём в эти минуты: спокойно и радостно.

Их старенький дом замыкал улицу и своей тыльной стеной выходил к косогору. Ниже косогора, как на ладошке, расстилалось дикое поле: широкое, дремлющее. Но стоило завернуть сюда шальному ветру, поле пробуждалось, дышало полной грудью.

Ближе к дальнему краю поля обжились две берёзовые рощи. Будто девушки-невесты в белых сарафанах вышли из леса, встали в круг и водят хороводы – кто веселей да звонче? За полем мелким подлеском начинались владения тайги, раскинувшейся до самого горизонта.

– Мы, Лёша, с тобой как в кино, в первом ряду, – шутила баба Аня, сидя рядом с внуком и обнимая его.

Село оставалось где-то за их спинами. И было ли оно вообще? Правление, опустевшая на лето школа, давно требующий ремонта клуб, магазин, где односельчане заодно обсуждали местные, но больше государственные проблемы. Всё это каким-то волшебным образом уступало место другому миру. Миру, который открывался с его – Лёшкиной – завалинки. Светлый. Зовущий. Понятный детской чистой душе. Лёшка дорожил этим миром. Поэтому делился им только с самыми близкими ему людьми – бабушкой и братом. Здесь, на его завалинке, нашлось бы место и маме. И ещё одной девочке из его класса...

Даже зимой, когда снега наметало по окну, Лёшка расчищал проход к любимой завалинке. Проведывал. Посидит, покуда мороз терпит, тёплые времена вспомнит. От дома и до самой тайги простиралась снежная гладь. С мудрёным узором, нанесённым позёмкой. «Словно бабушкин оренбургский платок», – любовался зимней картиной Лёшка. В солнечную погоду снег блистал серебром, искрился – не налядишься. Смотришь до боли в глазах, до слепоты. Другое – в непогоду, метель. Когда даже рядом с домом, ощущая спиной его бревенчатую стену, было жутко представить себя там, в поле, где полная вольница для бьющего наповал ветра, забивающего глаза и рот сухим жёстким снегом. Утомившись, вьюга затихала на секунду-другую, чтобы с новой силой продолжить свой разгул, и тогда, мельком, открывалась тёмная полоска тайги – нахмуренной, чужой. Но более всего Лёшке было по душе нарядное полотно поздней, золотой осени с её буйным, торжественным разноцветьем. Тайгу будто укрывали огромным одеялом, сшитым из множества пёстрых ярких лоскутков. Похожее одеяло баба Аня сшила специально для внука, и оно грело и радовало Лёшку с осени до весны.

* * *

Отца Лёшка не помнил. Говорили, утонул на рыбалке. Весна в тот год задалась ранней, дружной, лёд на реке подтаял. Был бы трезвый – выбрался, а по пьяному делу запаниковал. В тот же год старший брат Павел перебрался в город – поступил в институт учиться на тренера. А как вдвоём с матерью остались, запила она. Хозяйство забросила, с работы выгнали. Потом сошлась с таким же пропойцей, и пили они вместе. Скандалили. Дрались. И всё на глазах Алексея. Вот баба Аня и забрала внука к себе. Мать в воспитании сына не участвовала, не помогала совсем. Заходить, конечно, заходила. Пьяная. Некрасивая. Бывало с бутылкой. Придёт, расплечется. Деньги займы клянчила. А то и уснёт – за столом тут же. Лёшка поначалу жалел её. Просил, чтобы не пила. А потом стал закрываться в другой комнате или вообще убегал на улицу. Давно не была у них, не заходила: баба Аня запретила приходить пьяной, а трезвой та, видимо, уже и не бывала.

Отсюда у Лёшки и ненависть к спиртному. Поклялся он как-то бабушке после очередного визита матери: вырастит – хмельного в рот не возьмёт! А ещё соберёт всю водку да вино, сядет на трактор – а лучше на танк! – и раздавит всю эту гадость. Чтобы другие матери не пили и со своими детьми были.

Вот и стала баба Аня для Лёшки и за отца, и за мать. И за хорошего друга. Одеть, обуть, накормить. А то ещё, Бог даст, в люди вывести, женить. Учила, чему могла. Сама в огород и внука за собой, объясняла, что к чему. Пошла в лес, и он потихоньку за ней, внимательно слушает рассказы о тайге, её обитателях. Тоже баню истопить, блины испечь. Даже носки вязать научила. Правда, пока пяточка Лёшке никак не давалась. Баба Аня успокаивала внука – трудись и всё тогда одолеешь: «Усердная мышь и стену прогрызёт!» По хозяйству тот помогал с охотой. Доска у забора отошла – приколотит. Промажет, мимо гвоздя по пальцу молотком ударит, но терпит, вида не покажет, что больно. Двор от снега расчистить, картошку окучить, капусту полить – всегда поможет без просьбы. Хвалит его бабушка: «Помощник ты мой дорогой! Мужичок-боровичок!» А малой доволен, ещё какую работу глазами ищет.

Хромота Лёшку не смущала – просто другого он и не знал. Мешала, конечно, но приноровился. От уроков физкультуры мог получить освобождение, однако решили с бабушкой посещать, выполнял, что мог. И с ребятами деревенскими водился: те на рыбалку, и он с ними; играть в футбол, и он тут же – судьёй, а то и вратарём. Выделяли его пацаны за эрудицию, с Лёшкой было интересно. Книжки интересные им пересказывал, с желанием делился всем, что знал сам.

Читать и писать обучала Лёшку бабушка. К школе готовила. Баба Аня – Анна Ивановна – до выхода на пенсию («пензию», как говорили многие в их деревне) учителем начальных классов работала. Так что это дело было ей привычное. Читала ему, когда сам не умел. Стихотворения наизусть учили, задачки решали. Что-то из книг своё было, какие-то в школьной библиотеке брала. Павла просила покупать в городе. Особо детские энциклопедии: про страны и города, географию, животных, космос. «Хорошему – я научу. Плохому – улица», – приговаривала Анна Ивановна.

Читать Лёшке нравилось. Опять же, при возможности, на своей любимой завалинке. Дома стены, а здесь – простор, глаз до горизонта всё видит. Можно представить себя капитаном белоснежного

океанского лайнера, идущего к неведомым землям, а то и мчащегося космического корабля! А под ним, на их зеленеющем поле, пирамида Хеопса, афинский Парфенон, римский Колизей. И бабушка. Маленькая-маленькая. С ноготок. Нет, бабушку он возьмёт с собой. Ведь не может же он оставить на Земле своего лучшего друга!

И брата не оставит. Правда, у него уже своя семья. Павел говорил, что скоро у них будет ребёнок – первенец, и он, Лёшка, станет дядей.

И ещё – одноклассницу Иринку...

* * *

Вот управится баба Аня со своими делами, подсядет к Лёшке на завалинку, приобнимет его и начнутся новые рассказы, увлекательные истории. Слушал её Лёшка затаив дыхание, прижавшись к её тёплому боку. Любил рассказы о родном северном крае. Засыпал вопросами. Почему здешнее лето короче, чем на юге? Почему рыба заходит в верховье их реки на нерест – специально, издалека, а потом погибает? Отчего ближнее болото зовётся Никиткиным, а родник Татьяниным? Откуда прилетают к ним на гнездовые журавли?

К журавлям у Лёшки было отношение особенное. Ждал их прилёта, часто и подолгу всматриваясь в посветлевшее весеннее небо. А завидев, радостно кричал:

– Ура-а! Журы летят! Журы вернулись!

– Посланники Божьи летят. Весну на крыльях несут. Слава Богу, перезимовали, до весны дожили! – крестилась на птиц баба Аня. – Вновь оживёт страна Курляндия!

Так она называла поселения журавлей на моховых болотах, коих в здешних краях было в изобилии. «Курляндия» – так оно и пошло по деревне с её лёгкой руки.

Птицы отвечали громким курлыканием, пролетали кругом над селом и опускались в лес – на незапамятных лет облюбованные ими болота. Радостно становилось на сердце у Лёшки. Словно кто-то очень родной и близкий возвратился домой после долгой разлуки. Обустроив гнёзда, журавли вылетали из тайги, и Лёшка становился нечаянным свидетелем их житейских хлопот. Рассыпавшись по брошенному совхозному полю, что на отшибе у самого леса, искали палые зёрна, грелись на солнце, исполняли брачные танцы. Через месяц журавлиные пары обзаводились птенцами. Стая становилась подвижней, шумней, птиц в ней теперь было заметно больше. Затем начиналось самое интересное – птенцов учили летать. Поначалу они суетливо били неокрепшими крыльями, запинаясь при разбеге, падали, волновались. Вместе с ними волновался и Лёшка. Более сильные, оторвавшись от земли, тут же пугливо спускались под неодобрительные окрики родителей.

Окрепнув, молодые журавли уверенно взмывали в небо, наслаждались полётом, свободой парения. «Мне бы к ним! – думал Лёшка, с завистью глядя на счастливых птиц. – Может быть, и меня научили летать? Почему я не птица?..»

Когда Лёшке было ближе к семи годам, случилось следующее. Озадачился он вопросом: почему люди не летают? Упрямо озадачился, серьёзно. Уж очень ему хотелось с журавлями полетать. И ну выпрашивать у всех: в детском саду, у бабушки, знакомых. Вот кто-то из соседей и сболтнул со смешком, не подумав, мол, грехи у людей тяжёлые, не дают птицей летать. Запал мальчишке в голову ответ этот, и ну давай бабушку выпрашивать: что такое «грехи» и как от них избавиться? Прояснила она, как могла, этот вопрос, а он её в церковь тащит – от грехов освободиться. Шутки в сторону – настойчив был внук – привела его в храм. Исповедовал батюшка Лёшку, причастил Святых Господних Тайн. Доволен малый, аж светится! А потом... Спрыгнул с крыльца дома – не взлетел. «Видимо, высоты маловато – грехов-то больше нет!» – заключил маленький мечтатель и спрыгнул с крыши бани. Перелом ноги. Распекание от бабушки. Месяц гипса. Полный крах мечты...

* * *

Была у Лёшки ещё одна мечта. Сокровенная. Даже с бабушкой ею не делился. Училась в его классе девочка – Иринка Крючкова. Девочка как девочка. Только было в ней что-то особенное, единственное. И ресницы у неё были самые длинные и пушистые. И удивительные ямочки на щеках, которые озорно появлялись, когда она улыбалась. Задорный, чуть вздёрнутый носик. А ещё её

бант – как большая белая бабочка, которая выбрала Иринку, потому что она была самая красивая девочка в мире.

Ирина сидела впереди Лёшки, и бант постоянно отвлекал, беспокоил его. Какой же он был назойливый – этот бант! Не один раз Алексей приказывал себе не смотреть на него, но никак не мог справиться с собой.

Очень хотелось Лёшке подружиться с Иринкой. Но она не обращала на него никакого внимания, впрочем, так же как и на остальных мальчиков. При встрече с ней Лёшка смущался, опускал глаза. Наверное, даже краснел.

– А Лексей в Ирку втюрился! Жених хромой, подавился колбасой! – дразнился на Алексея одноклассник Кирилл Блохин. Двоечник и хулиганистый мальчишка с веснушчатым невыразительным лицом, оттопыренными ушами и бегающими глазками. Блоха, как прозвали его деревенские пацаны. Родители Кирилла были признанными алкоголиками, и жил он сам по себе. Одинокий и колючий, как репей. Наша будущая головная боль, как в шутку (а может, всерьёз?) говорили о нём учителя. Не было перемены, чтобы он не подставил кому-нибудь подножку, не дёрнул за косу, не развязал бант или не исполнил какую другую гадость.

Лёшка старался не замечать выходки Блохина. Знал его пакостливый характер и грубостью на грубость не отвечал. Даже жалел Кирилла, что у него нет такой бабушки, как у него.

Как-то, на перемене, выбрав момент, чтобы Иринка была в классе, Кирилл вновь прокричал свою дразнилку и попытался толкнуть Алексея. Но тут же оказался на полу с завёрнутой за спину рукой. Ошарашенный. Жалкий. Только и успел, что ойкнуть. Пригодился Лёшке один из приёмов японского айкидо, показанных братом. Класс замер в ожидании развязки. А она оказалась неожиданной. Лёшка помог Кириллу встать, отряхнул его. Тот же, бледный, с дрожащими губами, попытался сказать что-то, но не смог. Так, заикаясь, и выбежал в коридор. Лёша молча сел на своё место, мельком заметив удивительные ямочки, вдруг появившиеся на Иринкиных щеках...

Однажды Иринка даже приснилась ему. Они шли по бескрайнему ромашковому полю. Цветы расступались перед ними, приветствуя поклоном. Шли молча. Лишь иногда смотрели друг на друга и улыбались. Лёшка сорвал для Ирины цветок, который тут же превратился в бабочку. Бабочка села на голову девочки, и уже не бабочка она вовсе, а шёлковый белоснежный бант. Ветер поднял ребят над полем, понёс выше и выше, к самому солнцу. Иринка испугалась, закрыла глаза. Лёшка взял её руку в свою – ведь мальчику не к лицу трусить! Солнце ослепило, обдало жаром. И не солнце оно уже, а огромная ромашка. Вот и грациозные журавли, дружелюбно принявшие детей в свою стаю. Их крепкие крылья резко опускались вниз и плавно поднимались вверх. Лёшка и Иринка, счастливые, парили, как птицы, – они и были птицами...

А внизу словно плыли разноцветные квадраты крыш, утопающие в зелени цветущих садов. Так это же их село! Какое оно стало красивое! На улицах празднично одетые люди. Все радостно смотрят в небо, на Лёшку и Иринку, на журавлей. Машут им и что-то кричат, что – не слышно из-за слепящего медью школьного духового оркестра, но что-то непременно хорошее и доброе. А вон и Лёшкина мама. Трезвая. Красивая. Одной рукой машет им, второй приобнимает стоящего впереди неё какого-то мальчика. Так это же Блоха! Кирилл Блохин! Он тоже машет им, и Лёшка машет ему в ответ...

На лето Иринку отправляли на юг, в Крым, к родственникам. Лёшка скучал по ней. Вспоминал её лицо, голос, смех. Ещё теплоту её ладони, мягкой и немного влажной, когда она подошла к нему и поздравила с успешным окончанием учебного года: в классе было два отличника – Ирина и Лёша. А как-то, замечтавшись, вырезал на завалинке своим знаменитым ножиком её имя. Но, спохватившись, что *это* увидит бабушка, затёр его...

* * *

– Бабушка! Бабушка! Журы полетели!

Лёшка вскочил на ноги, вытянулся струной, всматриваясь в сторону леса. Там, на окраине поля, сбивались в стаю журавли. С разбега легко отрывались от земли. Серым живым облаком кружились над полем, выстраивались клином – каждая птица заведомо знала своё место и без суеты занимала его. А высоко в небе уже летели другие стаи, зазывая сородичей в дальний путь.

– Сейчас и наши поднимутся! – Бабушка выскочила из дома, на бегу надевая куртку. Сколько за свою жизнь проводила таких караванов, а всё как в первый раз, как в далёком детстве. Только вот на душе стало тревожней и сердце щемит...

«Кууур... Кууур...» – протяжно и печально прощались птицы с родными насиженными местами, с оставшимися внизу провожавшими их людьми.

– С утра полетели, на день. А ну, Лёшик, посчитай, сколько наших журок в клине? У тебя-то глаза поострей моих будут, – попросила бабушка внука.

Лёшка озадачился серьёзностью задания. Для верности счёта прищурился и даже взобрался на завалинку:

– Один, два, три... – старательно считал он птиц, направив в сторону стаи указательный палец, боясь сбиться со счёта.

– ...шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три. Шестьдесят три журавля! – громко отпортовал Алексей.

Баба Аня вопросительно посмотрела на внука, словно сомневаясь в его подсчёте:

– Надо же... Сколько и мне...

Женщина прижала мальчика к себе, поцеловала в макушку включенной головы:

– Выходит, не журавли это летят, а годочки мои. Один к одному... Так и пусть летят. Значит движемся, живём значит. Колесом дорога! Возвращайтесь!

– Колесом дорога! Возвращайтесь! – вторил ей Лёшка и махал вслед птицам.

Так и стояли они – долго, обнявшись, два самых близких человека на планете Земля, пока звонкий клин не растаял в чистой утренней синеве...

